

ФЕЛЬЕТОНЪ. Замѣтки читателя.

Разсказы А. Чехова: „Крыжовникъ“ и „О любви“.

Въ августовской книжкѣ „Русской Мысли“ помѣщены два прелестныхъ, небольшихъ разсказа А. Чехова: „Крыжовникъ“ и „О любви“.

Оба они составляютъ, вмѣстѣ съ разсказомъ „Человѣкъ въ футлярѣ“, какъ бы одну серію, связанные между собой не столько внѣшней связью, сколько внутреннимъ единствомъ.

Всѣ они разрабатываютъ одинъ и тотъ же мотивъ: ничтожность и дряблость обывательской души, измѣтой, искалченной безпоощадной сутолокой холодной и безцвѣтной жизни нашей.

Передъ нами маленький чиновникъ.

Всю жизнь свою провелъ онъ, сидя за канцелярскимъ столомъ, согнувшись въ три погибели, надъ сочиненіемъ всевозможныхъ „входящихъ“ и „исходящихъ“...

Рапорты, предписанія, циркуляры отношенія—вотъ, конечно, чѣмъ наполнялась его жизнь.

У этого маленькаго чиновника была, однако, маленькая душа.

Она тосковала, рвалась на волю. Ей хотѣлось своей жизни, своей правды.

Циркуляры и предписанія не давали ей ни того, ни другого.

Чиновникъ мечталъ о жизни въ деревнѣ, о томъ—какъ бы хорошо было обзавестись маленькой усадьбой гдѣ нибудь на берегу рѣки или озера, какъ пріятно—ѣсть свои собственныя щи, отъ которыхъ идетъ такой вкусный запахъ по всему двору, спать на солнышкѣ, сидѣть по цѣлымъ часамъ за воротами.

По цѣлымъ днямъ рисовалъ онъ себѣ картины, одну краше другой.

Были тутъ и цвѣты, и фрукты, и скворешники, и карасы.

Но центральное мѣсто въ этихъ мечтахъ занималъ постоянно крыжовникъ.

„Ни одной усадьбы, ни одного поэтического угла онъ не могъ себѣ представить безъ того, чтобы тамъ не было крыжовника.“

— Деревенская жизнь имѣетъ свои удобства,—говорилъ онъ бывало.—Сидишь на балконѣ, пьешь чай, а на прудѣ твои утки плаваютъ, пахнетъ такъ хорошо и... и крыжовникъ растетъ“.

Бѣдный чиновникъ былъ цѣлкомъ охваченъ своей идеей.

Ни о чѣмъ другомъ онъ даже думать не могъ.

Чтобъ только добиться своего, онъ сталъ откладывать каждую копейку.

Не добѣдалъ, не допивалъ, ходилъ, какъ нищій, оборванный, грязный.

А годы, между тѣмъ, все шли.

Чиновнику перевалило за сорокъ лѣтъ, но онъ все копилъ.

Все съ тою же цѣлю—купить себѣ усадьбу съ крыжовникомъ, онъ жевалъ на старой, некрасивой вдовѣ, только потому, что у нея были деньги.

Жена скоро умерла и, наконецъ, исполнилась заветная мечта его.

Онъ покупаетъ небольшое имѣніе, сажаетъ кусты крыжовника и... торжествуетъ.

Изъ мелкаго запуганнаго и загнаннаго чиновника онъ быстро превращается въ помѣщика, въ барина; скоро обживается, входитъ во вкусъ новой жизни.

Сталъ много ѣсть, полнѣть и обижаться, когда мужики не называли его „ваше высокоблагородіе“. Сталъ думать онъ и о душѣ своей, по барски, конечно, съ важностью: лѣчилъ мужиковъ содой и насторкой, а въ дни именинъ своихъ служилъ среди деревни торжественный молебень и ставилъ полведра.

„Перемѣна жизни къ лучшему, сытость, праздность,—говоритъ авторъ,—развиваютъ въ русскомъ человѣкѣ самомнѣніе, самое наглое“. Развилъ онъ это самомнѣніе и въ нашемъ чиновникѣ. Онъ, когда то боявшійся даже для себя лично имѣть собственныя взгляды, теперь сталъ говорить авторитетнымъ тономъ, не терпящимъ никакихъ возраженій...

Вотъ и весь разсказъ. Помѣщается онъ, если отбросить разсужденія автора, на шести страничкахъ, а сколько правды, обидной, горькой правды разлито въ немъ!

Стоитъ только оглянуться кругомъ, и, право, только руками разведешь, при видѣ той тины мелочей, въ какой купается обыватель. Во истину и жутко, и страшно становится, какъ только начинаешь вдумываться въ эту жизнь.

Поймите только: крыжовникъ и утки въ грязной лужѣ—вотъ чѣмъ живетъ чеховскій герой, на что уходятъ всѣ силы души его, во имя чего онъ борется, плачетъ, тоскуетъ. И не тотъ же ли самый крыжовникъ, не тѣ ли ароматичныя щи—заветная мечта и многихъ изъ насъ?

О чѣмъ мечтаемъ мы? Къ чему стремимся? Что наполняетъ нашу жизнь? Чѣмъ, какими муками, какими страданіями сердца докажемъ мы преисходство свое надъ чеховскимъ героемъ? Онъ мечтаетъ о крыжовникѣ, а мы—о лавочкѣ, о фонтанѣ, о конторѣ, тепломъ мѣстечкѣ.

Онъ счастливъ, счастливъ безмѣрно, когда ему удастся обзавестись заветной усадьбой, съ растущимъ крыжовникомъ, ну, а мы? Развѣ не то же счастье, не то же довольство охватываетъ насъ, когда намъ удастся пристать къ тихому берегу и наслаждаться покоемъ... съ „крыжовникомъ“... Вѣдь, право же, почти одно и то же: разница только въ названіи, а идеалы наши также малы, цѣли жизни также убійственно пошлы. Дальше покоя сытаго существованія большинство насъ не идетъ; въ немъ одномъ заключается весь смыслъ нашей жизни.

„Какъ много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила! восклицаетъ братъ чеховскаго героя.—Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, не вѣжество и скотоподобіе слабыхъ, лицемеріе, вранье...“

Между тѣмъ, во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который бы вскрикнулъ,

громно возмущался. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спать, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ то за кулисами. Все тихо, спокойно, и торжествуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то ведръ выпито, столько-то дѣтей погубило отъ недоѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только по тому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гиннозъ. Надо, чтобы за дверью наждаго довольнаго счастливаго человѣка, стоялъ кто нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно пошатнется ему своимъ когтя, страстется бѣда—болѣзнь, бѣдность, потеря и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ.

Но человѣка съ молоточкомъ нѣтъ, счастливый живетъ себѣ, и мелкія житейскія заботы волнуютъ его слегка, какъ вѣтеръ осину—и все обстоитъ благополучно“...

...„Меня,—закончилъ онъ,—угнетаютъ тишина и спокойствіе, я боюсь смотрѣть на окна, такъ какъ для меня теперь нѣтъ болѣе тяжелаго зрѣлища, какъ счастливое семейство, сидящее вокругъ стола и пьющее чай“...

И, благо бы, счастье было настоящимъ, а то, вѣдь, дальше „крыжовника“ не идетъ...

Шаръ нѣтъ въ обывателѣ, нѣтъ ноши къ нему, даже въ мечтахъ своихъ и тутъ остается онъ все томъ же мокрой курицей.

—Сядишь на балконѣ, пьешь чай, а на прудѣ твои уточки плаваютъ... вотъ, собственно, завѣтный идеаль,

къ которому пылаетъ онъ всею душою своею...

Ни сильныхъ страстей, ни сильныхъ желаній не требуетъ отъ него.

Бѣзцвѣтный, вялый, лишенный всякой оригинальности, вяло и тоскливо влечетъ онъ свои бѣзцвѣтные будни, лишенные красоты, страсти, жизни, безъ малѣйшаго проблеска сиблой мысли.

Понятно, что и въ любви онъ остается все тѣмъ же обывателемъ, не способнымъ ни на что сильное, ни на что рѣшительное.

— Какъ бы ни вышло чего, смущается обыватель и снова возвращается къ милому «крыжовнику»: такъ оно будетъ покойнѣе.

Встрѣчается обыватель (разсказъ «О любви») съ прекрасной, молодой, красивой, умной женщиной. Она замужемъ. Мужъ ея неинтересный, скучный старичокъ, изъ типа тѣхъ солидныхъ людей, которые всю жизнь только и беспокоятся о томъ, какъ бы ни понесла ущерба солидность ихъ.

Они влюбляются другъ въ друга, узнаютъ, безъ словъ, объ этомъ и... молчатъ.

Печальной вереницей тянутся полные муки и тоски ихъ дни; смотрятъ другъ другу въ глаза, вздыхаютъ, страдаютъ.

Но вотъ наступила развязка.

Мужъ красавицы переводится въ другой городъ, а его жена уѣзжаетъ въ Крымъ дѣлаться.

Влюбленный обыватель провожаетъ.

„Когда она уже простилась съ мужемъ и дѣтьми и до третьяго звонка оставалось одно мгновеніе, я,—разсказываетъ обыватель,—вбѣжалъ въ ней въ купе, чтобы положить на полку одну изъ ея корзинокъ, которую она едва не забыла; и нужно было проститься...“

Когда тутъ, въ купе, взгляды наши встрѣтились, душевные силы оставили насъ обоихъ, я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ея лицо, плечи, руки, мокрая отъ слезъ,—

о, какъ мы были съ ней несчастны! — я признался ей въ своей любви, и со жгучей болью въ сердцѣ я позналъ, какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мнилось любить.

Я позналъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или ненужно разсуждать вовсе.

Я поцѣловалъ въ послѣдній разъ, пожалъ руку, и мы разстались — навсегда...

Таковъ обывательскій романъ.

Глуше ничего и придумать нельзя.

Хорошо, что хоть подъ конецъ прояснилось нѣсколько сознание обывателя; однако, слишкомъ поздно.

А, впрочемъ, въ теоріи, въ умѣ, такъ сказать, онъ прекрасно знаетъ все это и въ самомъ началѣ любви своей, да что подѣлаешь, если силы нѣтъ жить по своему, нѣтъ силы съ бою брать счастье...

Итакъ во всемъ.

Умомъ мы все отвлеченно понимаемъ, а до дѣла дойдешь — замираетъ рука, и страхъ, самый подлый страхъ „человѣка въ футлярѣ“, морщитъ все самыя частныя, самыя лучшія мечты наши.

„Сердца въ людяхъ нѣтъ, — говоритъ одинъ изъ героевъ Г. Успенскаго. — Можешь ли онъ быть гнѣздомъ или можетъ быть онъ добръ? Нѣту!.. Плинь ему въ рожу — у него рука не осмѣлится на оплеуху. Понадѣйся на него — не выручить“...

Таковъ обыватель.

Гдѣ же тутъ мечтать ему о свободной, могучей жизни, о борьбѣ, о страсти, о любви?..

„Нѣтъ, ангелъ мой, — продолжаетъ тотъ же старикъ, — не получишь ты развлечения настоящаго, потому что сердце твое неправильное; направленіе то въ нѣтъ значье... Оно говоритъ: „жалѣй“, — а ты боишься, — оно говоритъ: „не стерпи, возопи“ — а ты опять боишься, ну и стало быть, наоборотно у тебя на сердцѣ то... И

вдѣтъ на землѣ не жизнь, а такъ гнилье грибное“...

Таковы разказы А. Чехова, этого поэта „грибного гнилья“, таковы мысли, какія вызываютъ они. Онъ съ тщательностью, какой можетъ позавидовать любой анатомъ, расчленяетъ передъ нами душу обывателя, отмѣчаетъ каждую ничтожную мысль въ головѣ его, каждое душевное движеніе, словцо, читаетъ пыльный нуръ обывательской психологіи. Дальше „гнилья“ онъ не идетъ; его герои — бунально всѣ съ извращеніемъ зайца: трусливые, жалкіе, безпомощные людишки.

Но неужели-же наша русская действительность не знаетъ иныхъ людей? Неужели-жъ „герои“ были въ Атридѣ, но древность скрываетъ ихъ отъ насъ“, и только мошляны в трусы творять русскую жизнь?

Этого нѣтъ и быть не можетъ. Такъ для чего же А. Чеховъ всю свою могучій талантъ отдастъ этой „гнили“?

Нали, быть можетъ, измученный, истерзанный самъ, извѣдался онъ въ жизни, и, пропѣ „гниль“, не видя уже въ ней ничего прекраснаго, ничего свѣтлаго?

Современный человѣкъ усталъ отъ мелочей, онъ хочетъ вырваться изъ подѣ власти ихъ, забыться, а тутъ ему подносятъ все тѣ же мелочи, все ту же „пошлость пошлаго человѣка“. Куда же дѣться отъ нихъ,

И точно ли вся наша жизнь такъ-то и богата стии мелочами и нѣтъ въ ней ничего, что могло бы вдохновить художника? И помню гразя, и помню мелочей, есть въ жизни и нѣчто другое. Въ ней, какъ говоритъ Паскаль, перемѣшаны дурное и хорошее, ничтожное и возвышенное, цвѣты и грязь, рыданія и смѣхъ.

Такъ почему же отдавать предпочтеніе гразя предъ цвѣтами, низменному предъ возвышеннымъ, пошлости предъ идеальнымъ?..

Слово.